

Сказка С. Топелиуса " Кнут-музыкант "

Жил на свете мальчик, по имени Кнут. Отца и матери у него не было, и жил он у своей бабушки в бедной хижине на берегу моря. Берег назывался Жемчужным, хотя, по правде говоря, никто никогда не находил здесь даже самой маленькой жемчужины.

У Кнута была одна рубашка, одни штаны, одна куртка и одна шапка. Летом он бегал босиком – и это не так уж плохо. А на зиму у него были шерстяные чулки и деревянные башмаки – это уж совсем хорошо.

Кнут редко бывал сыт, но зато всегда был весел. А ведь не так-то просто смеяться, когда от голода все время сосёт под ложечкой! Не всякий может этим похвастаться!

Бабушка Кнута пряла шерсть, а Кнут носил продавать её в усадьбу господина Петермана.

На деньги, которые приносил Кнут, бабушка покупала ржаную муку, а из муки пекла лепёшки. Если выручка была хорошая, на столе появлялось даже кислое молоко. Но чаще всего приходилось сидеть на картошке со своего огорода. Правда, её тоже хватало ненадолго – весь огород был не больше бабушкиного одеяла. Много ли соберёшь с такого клочка земли!

Однажды поутру Кнут сидел на Жемчужном берегу и перебирал желтоватые круглые камешки, которые были очень похожи на тёплые, варёные картофелины. Только, к сожалению, их нельзя было есть, и Кнут забавлялся тем, что ловко закидывал их в воду.

И вдруг он увидел среди камней маленькую камышовую дудочку. Это была самая обыкновенная дудочка. У Кнута было таких с десятков – и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но эта, конечно, тоже не была лишней.

Кнут приложил дудочку к губам и легонько дунул.

– Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! – весело залилась дудочка.

Кнут дунул ещё раз, и дудочка жалобно затянула:

– Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Кнут дунул в третий раз, и дудочка ласково запела:

– Баю-бай! Баю-бай!

Кнут снова и снова прикладывал дудочку к губам, но никакой другой песенки она не знала.

Кнут спрятал дудочку в карман, а сам уселся на камень возле воды. В этот день Кнут был очень голоден. На завтрак у бабушки не нашлось ничего, да и на обед, наверно, будет немногим больше.

"Ах, как было бы хорошо попасть сейчас на кухню господина Петермана!" – подумал Кнут, и ему даже показалось, что он слышит запах жареной салаки.

Чтобы не сидеть сложа руки, Кнут решил закинуть удочку. Но рыба, как назло, не клевала.

После вчерашней бури море было беспокойно. Волны, как большие стеклянные горы, набегали на берег и, коснувшись песка, снова отбегали назад.

И вдруг одна волна – самая большая, самая высокая – подкатилась к ногам Кнута, и в шорохе воды ему послышались слова:

– Кнут, не нашёл ли ты дудочку морской царевны? Она поёт только три песенки.

Когда она поёт:

"Тра-ла-ла!" – все смеются; когда она поёт: "Баю-бай!" – все засыпают; когда она поёт: "Ой-ой-ой!" – все плачут.

– Вот как! – сказал Кнут. – Значит, это волшебная дудочка? Да, я нашёл её, но теперь-то уж ни за что не отдам. Ступай-ка своей дорогой, волна!

Волна что-то сердито пророкотала, но что – нельзя было разобрать, – и отхлынула от берега.

А Кнут достал дудочку из кармана и принялся её разглядывать.

– Так, значит, ты умеешь колдовать? А ну-ка наколдуй, чтобы рыба от меня не уходила!

Кнут дунул в дудочку, и она протяжно запела:

– Баю-бай! Баю-бай!

И вот – не прошло и минуты – у самого берега всплыл один окунь, за ним другой, за другим третий, потом всплыли лососи, щуки, сиги, а там пошла плотва, салака, корюшка и прочая быстroxвостая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба, скованная сном, лежала на боку, тихонько покачиваясь на волнах. И уж столько её было, что хоть руками выбирай!

"Ого! Сегодня у меня будет богатый улов!" – по думал Кнут и побежал домой за корзинкой.

Но, когда он вернулся, к берегу нельзя было подойти. Дикие утки, гуси, лебеди и другие незванные гости слетелись сюда, почуяв добычу, и с жадностью пожирали сонную рыбу.

Самыми ненасытными, самыми горластыми были чайки.

– Хватай! Хватай! – кричали они наперебой так, что было слышно на полмили вокруг.

И вдруг прямо в гущу этого крикливого птичьего базара врезался морской орёл. Он выхватил из воды самого большого лосося и полетел прочь.

Кнут чуть было не заплакал от обиды.

– Вот я вам покажу, воры! – закричал он и, схватив полную пригоршню камней, стал швырять в птиц.

Кому он подбил крыло, кому зашиб лапу, но птицы всё равно не разлетались.

Кто знает, чем бы это кончилось, но тут со стороны залива ударил выстрел, потом ещё и ещё. После каждого выстрела птицы замертво падали в воду и так же, как рыбы, покачивались на волнах.

Скоро почти все птицы были перебиты, а те, которых не настиг выстрел, с громким криком разлетелись в разные стороны.

В это время из-за мыса выплыла лодка с тремя охотниками. Это был господин Петерман со своими друзьями.

Сегодня охотники были очень довольны. Ещё бы! Такой охоты у них в жизни ещё не было!

– А, это ты, Кнут! – крикнул господин Петерман. – Как это тебе удалось подманить столько птицы?

– Да я вовсе не подманивал этих птиц, – сказал Кнут. – Я играл на своей дудочке рыбам, а птицы, как видно, тоже захотели послушать мою музыку!

– Видно, ты очень искусный музыкант, – сказал господин Петерман. – С сегодняшнего дня я так и буду называть тебя: Кнут-Музыкант.

– Что ж, я согласен, – сказал Кнут.

Да и почему бы он стал спорить? Ведь Кнут-Музыкант звучит ничуть не хуже, чем, например, Кнут Андерсон, или Кнут Седерлунд, или Кнут Маттсон.

– Послушай, Кнут-Музыкант, – сказал господин Петерман, подбирая из воды убитую птицу, – что это с тобой случилось? Ты стал тощий, как жердь.

– На что же мне быть похожим, если обедать мне приходится вприглядку? – весело сказал Кнут.

– Пожалуй, ты прав, – согласился господин Петерман. – Но сегодня я приглашаю тебя к себе на обед. Ведь, если бы не ты, мы никогда бы не настреляли столько дичи. Только приходи не раньше четырёх, а то птицу не успеют зажарить. Но смотри не опаздывай – я не люблю ждать.

– Благодарю вас, – сказал Кнут, – я приду ровно в четыре.

А сам подумал: "Тому, кто ничего не ел со вчерашнего дня, не так-то легко ждать до четырёх часов".

Наконец лодка, нагружённая дичью, отчалила от берега, а Кнут с пустыми руками пошёл домой.

– Ну, Кнут, много ли ты наловил рыбы? – спросила бабушка.

– Наловить-то я ничего не наловил, а видеть – много видел. Но рыбу съели птицы, а птиц подстрелил господин Петерман.

– Плохо дело, Кнут! – сказала бабушка. – Сегодня на обед у нас только и есть что четыре картофелины, две салаки и пол-ломтя хлеба.

– Пусть всё это останется вам, бабушка, – сказал Кнут. – Я сегодня дома не обедаю. Господин Петерман пригласил меня к себе на обед, и я принесу вам в кармане кусочек сыру.

– Смотри только не ходи через Киикальский лес, Кнут, – сказала бабушка. – Там живут эльфы. Там находятся владения горного короля, снежного короля и королевы лесов. Самое лучшее – идти берегом.

– Берегом очень далеко, бабушка, а я ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

– Ну, иди как знаешь. Да не думай о еде, а то ещё больше захочется есть.

– Не беспокойтесь, бабушка. По дороге я буду повторять правила грамматики, – сказал Кнут и отправился в путь.

"Неужели же я потащусь по берегу, когда лесом дорога вдвое короче!" – думал Кнут и, дойдя до поворота, он свернул на тропинку,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

которая вела прямо в Киикальский лес.

"Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?" – спрашивал самого себя Кнут, пробираясь лесной чащей.

Но он ещё не успел ответить на этот трудный вопрос, как вдруг увидел маленького, сухонького старичка, который изо всех сил толкал тележку, нагружённую железными листами.

– А, здравствуй, здравствуй, Кнут–Музыкант! – сказал старичок. – Что это с тобой? Ты очень похудел!

– Как же я могу потолстеть, когда со вчерашнего дня во рту у меня не было ничего, кроме правил грамматики! Но кто вам сказал, что меня зовут Кнут–Музыкант?

– А я никого не спрашивал. Я сам знаю, кого как зовут.

"Это удивительно, – подумал Кнут. – Ведь даже я не знал ещё сегодня утром, что меня зовут Кнут–Музыкант".

– Не могу ли я чем–нибудь помочь вам? – снова спросил Кнут старичка. – Я вижу, что вам трудно тащить эту тележку.

– Что ж, помоги, если хочешь, Музыкант, – сказал старичок.

Кнут налёг на тележку, и они двинулись дальше в глубь леса.

У подножия горы, спрятавшейся в самой чаще, старичок остановился.

– Ну вот мы и дома, – сказал он. – Пойдём со мной, Кнут, и я угощу тебя на славу, за то что ты помог мне дотащить тележку.

"Пожалуй, не будет большой беды, если я зайду на минутку", – подумал Кнут и вслед за стариком полез в расселину горы.

Они долго пробирались по узким каменистым ходам, пока наконец не дошли до огромной пещеры.

Стены, пол, потолок – всё тут сверкало и блестело золотом, серебром и драгоценными камнями.

– Неужели вы здесь живёте? – спросил Кнут.

– Ну да, это мой дворец. Ведь я горный король, – сказал старичок. – Завтра я справляю свадьбу моей дочки. Все мои придворные так заняты приготовлениями к свадебному пиру, что некому позаботиться о моём сегодняшнем обеде. Вот мне и пришлось самому отправиться в кладовую за припасами.

– Но, если я не ошибаюсь, вы привезли какое–то железо, – сказал Кнут.

– Не какое–то, мой мальчик, а листовое, и к тому же самого лучшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой железной руды. Листовое железо – моё самое любимое кушанье, особенно если его раскалить добела. Ну–ка признавайся, приходилось тебе когда–нибудь есть листовое железо, да ещё раскалённое добела?

– Что–то не припомню, – ответил Кнут.

– Ну так сейчас ты узнаешь, что это такое! – сказал горный король. – Смотри, вот я кладу в печь два железных листа. Через три минуты они будут совсем белые.

Тогда лезь прямо в печь и откуси кусочек свежераскалённого железа.

– Благодарю вас, – сказал Кнут, – но я бы предпочёл кусок свежевыпеченного хлеба и миску простокваши.

– Посмотрите–ка на него! – воскликнул горный король. – Этот мальчишка, видно, совсем не понимает толка в еде! Полежай, говорят тебе, в печь, железо уже совсем готово!

– Нет уж! В печь я не полезу. Не очень–то приятно сгореть там, как щепка!

– Что за вздор ты мелешь? Там совсем не жарко. Обыкновенная комнатная температура.

И, схватив Кнута за шиворот, старик потащил его к пылающей печи.

Тут уж Кнут не стал долго раздумывать: что было сил рванулсЯ он из рук старика и бросилсЯ бежать.

К счастью, он сразу нашёл выход из пещеры. Он бежал по лесу напрямик, не разбирая дороги. Колючие кусты можжевельника хватали его за куртку, словно хотели сорвать её с плеч, еловые ветки кололи ему глаза, вереск и голубика цеплялись за ноги.

Только когда каменная гора осталась далеко позади, Кнут перевёл дух.

"А ведь бабушка недаром говорила, что не надо ходить через Киикальский лес", – подумал Кнут, шагая тропинкой. И, чтобы идти было не так страшно, он снова принялся повторять правила грамматики:

"Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?"

Между тем в лесу становилось всё холоднее и холоднее.

"Что сие значит?" – с удивлением подумал Кнут.

Земля кругом была покрыта снегом, а поперёк дороги высилась огромная снежная гора. "Вот так штука! – подумал Кнут. – Среди лета – зима!.."

Он сделал несколько шагов по снегу и вдруг провалилсЯ в глубокую яму.

Когда Кнут поднялсЯ на ноги, ни леса, ни тропинки не было. Он стоял в сверкающем ледяном дворце.

Все стены дворца были украшены зеркалами из чистейшего льда, полы устланы коврами из сверкающего инея, а потолки усыпаны снежными звёздами.

Неуклюжие снежные чучела катались из угла в угол, а посередине стоял снежный великан – прямой, неподвижный, окоченевший.

Борода у него была из ледяных сосулeк, халат – из тонкого хрустящего льда, а башмаки – из замёрзшего ягодного сока.

– Здравствуй, Кнут–Музыкант! – сказал великан. – Что это с тобой случилось? Ты таешь, как сосулька на солнце.

– Что же в этом удивительного, если со вчерашнего дня я не ел ничего, кроме кусочка калёного железа, – ответил Кнут, стуча зубами от холода.

– И всё–таки не следует горячиться, молодой человек, – сказал великан. – Я – снежный король и от всех своих подданных требую хладнокровия. Поэтому–то из них и получаютсЯ настоящие снежные шары, крепкие и круглые. И тебя я тоже сделаю круглым, как шар... Эй, Снежное Чучело! Окуни–ка этого мальчишку семь раз в ледяную воду да повесь его на сучок – пусть промёрзнет хорошенько!

– Постойте! – закричал Кнут. – Я и так уже промёрз от головы до пят. Дайте мне лучше кружку парного молока и кусок жареного мяса.

– Слишком ты горяч, слишком горяч!.. Эй, Снежное Чучело! – приказал великан. – Дать этому мальчишке кусок замороженной ртути и кружку лихорадки!

Тут Кнуту и пришёл бы конец, если бы он не вспомнил вдруг о своей дудочке. Кнут поспешно сунул её в рот и стал дуть изо всех сил.

– Тра–ла–ла! Тра–ла–ла! Тра–ла–ла! – заиграла дудочка.

И сразу лицо великана скривилосЬ – не то от злости, не то от смеха. Он был вне себя от ярости, но почему–то ни с того ни с сего ему захотелосЬ смеятьсЯ. Смех так и разбирал его. И чем больше он злился, тем громче смеялся. Он так хохотал, так хохотал, что сосульки со звоном посыпались с его волос и бороды. Его прямо трясло от смеха, и в конце концов колени у него подогнулись, а голова скатилась с плеч и разбилась вдребезги.

И все его придворные тоже покатались со смеху и катались до тех пор, пока совсем не развалились.

Даже ледяные зеркала во дворце и те лопались от смеха.

Кнут и сам чуть не смеялся, но всё–таки он играл и играл на своей дудочке, пока весь дворец не превратилсЯ в огромный сугроб...

Поднялась метель. Снежный вихрь подхватил Кнута, закружил и куда–то понёс...

Когда Кнут открыл глаза, он снова стоял на лесной тропинке. Снег растаял, по всему лесу зашумели ручьи. Опять вернулосЬ лето.

"Теперь буду глядеть в оба", – подумал Кнут, пробираясь лесом.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как вдруг увидел чудесную зелёную полянку. Тут было столько спелой земляники, что казалось, будто вся трава забрызгана красными капельками.

"Пожалуй, не случится большой беды, если я полакомлюсь немного ягодами. Ведь обед будет не раньше четырёх", – подумал Кнут.

Но едва только он протянул руку за земляникой, как все ягодки бросились от него в разные стороны.

"Ну и дела! – подумал Кнут. – В этом лесу, кажется, всё заколдовано, даже земляника". Он наклонилсЯ к самой земле и тут только разглядел, что это вовсе не земляника, а крошечные лесные человечки – эльфы. Ростом они были не выше кустиков лесной земляники, и все – в красных юбочках и красных шапочках.

А на зелёной кочке посреди поляны сидела сама королева эльфов.

– Здравствуй, здравствуй, Кнут–Музыкант! – сказала королева. – Так это ты распугал весь мой народ?

– Прошу простить меня, ваше величество, – сказал Кнут, кланяясь королеве, – но я принял ваших подданных за лесную землянику.

– Бедный мальчик! – воскликнула королева. – Ты, наверно, очень голоден?

– Как же мне быть сытым, если со вчерашнего дня я ничего не ел, кроме калёного железа и замороженной ртути! – сказал Кнут.

– Да, этим, пожалуй, сыт не будешь, – согласилась королева эльфов и, обернувшись к своим фрейлинам, приказала: – Дайте ему маковую росинку и комарину ножку!

Пусть бедняга хоть раз поест досыта.

– Благодарю вас, – сказал Кнут. – Но не лучше ли будет, если вы дадите мне корзинку земляники и ведро молока?

– Ну и грубиян ты! – воскликнула королева. – Мало того, что ты явился в моё королевство без спросу и раздавил тридцать моих верных подданных! Ты ещё смеешь спорить со мной!.. Эй, лесные пауки! Сюда! Принимайтесь за работу!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И тотчас с деревьев спустились тысячи длинноногих пауков. Они обступили Кнута со всех сторон и принялись опутывать его паутиной. Кнут попытался было разорвать паутину руками, но руки его словно прилипли к куртке. Он хотел убежать, но не смог сделать ни шагу, как будто его спеленали.

Глаза ему залепила густая паутиновая сетка, и кончилось тем, что он как подкошенный свалился в траву.

Ну и смех поднялся кругом! Вся лесная полянка смеялась над ним. Никогда ещё эльфы так не веселились! Они прыгали и скакали вокруг Кнута, танцевали на нём, щекотали ему нос и шею и вообще были в восторге от всей этой забавы.

– Теперь лежи здесь, пока сам не запросишь капельку росы и комариную ножку! – пищали они ему в самое ухо.

"Плохо моё дело", – подумал Кнут. И вдруг в голову ему пришла прекрасная мысль.

– Послушайте, маленькие эльфы, – взмолился Кнут, – для того чтобы вы на меня не сердились, я готов съесть не то что комариную ножку, а даже кусочек тростника!

Пусть только кто-нибудь достанет его из моего кармана и сунет мне в рот.

Всем известно, что эльфы очень любопытны. Поэтому им, конечно, захотелось посмотреть, как это человек будет есть тростник.

И вот четверо смельчаков полезли, словно в глубокую пропасть, в карман Кнута. С трудом выволокли они тростниковую дудочку и потащили её сначала вверх по руке Кнута, потом по его плечу, потом по шее, до самого подбородка. Тут они разом взялись за неё, подняли и приставили к губам Кнута.

И снова эльфы принялись танцевать и прыгать во круг Кнута. Они так громко смеялись, что можно было подумать, будто целые тучи комаров пищат над поляной.

А Кнут, едва только дудочка оказалась у него во рту, дунул в неё легонько, и дудочка жалобно запела:

– Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

И сразу на полянке затих весёлый смех. Потом стало слышно, как на траву упала одна капля, потом другая, третья, и вот словно зашумел внезапно хлынувший дождь.

Кнут, хоть и не видел ничего, но сразу догадался, что это плачут эльфы. Ему даже стало жалко, что эти маленькие весёлые существа так горюют.

– Послушайте, – сказал наконец Кнут, – если вы освободите меня, я прикажу моей дудочке развеселить вас. А не освободите – так вечно и будете лить слезы!

Ничего страшнее этого эльфы не могли себе представить. Громко всхлипывая, они бросились срывать с Кнута паутину, распутывать ему руки и ноги.

И вот, наконец, Кнут встал во весь рост и оглядел своих маленьких врагов. Ну и жалкий был у них вид! Но всё-таки Кнут не мог отказать себе в удовольствии ещё разок пугнуть их.

Он снова дунул в дудочку, и она снова протяжно и жалобно затянула:

– Ой-ой-ой!..

Бедные эльфы! Больше всего на свете они хотели смеяться, а эта ужасная дудочка заставляла их плакать.

Но Кнут не стал долго мучить их. Он ещё раз дунул в дудочку, и громкая, весёлая песня зазвучала над поляной.

– Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! – заливалась дудочка.

Что тут сделалось с эльфами! Они чуть не сошли с ума от радости. Они прыгали так высоко, что могли достать даже жаворонков в небе. Кнут то и дело отряхивался, потому что эльфы сыпались на него, словно осенние листья.

– Ну, мне пора идти, – сказал Кнут, когда эльфы вволю наплясались. – До свидания, маленькие эльфы! Веселитесь, да не забывайте о моей дудочке!

И Кнут снова отправился в путь.

"С горным королём, со снежным королем и с эльфами я уже познакомился. Интересно, чем угостит меня королева лесов?.." – думал Кнут, шагая по лесу.

Он отошёл не очень далеко, как вдруг увидел в стороне от тропинки болото, поросшее морошкой.

"А что, если я съем несколько ягодок? – подумал Кнут. – Кажется, это самая обыкновенная морошка – не ходит, не говорит, не плачет и не смеётся".

У края болота лежала огромная старая ель, поваленная, как видно, бурей.

Раздвигая густые, мохнатые ветки, Кнут полез через толстый ствол. И вдруг – он так и обмер от страха – ель поднялась во весь рост, а Кнут повис высоко над землёй, зацепившись за ветку.

– Кто это осмелился потревожить меня после обеда? – хриплым, скрипучим голосом проговорила ель. – А, это ты, Кнут-Музыкант! Ты что же, не знаешь, где находишься? Я – королева леса. На семь миль кругом тянутся мои владения. Видишь, какой у меня прекрасный дворец?

Кнут посмотрел по сторонам, но на семь миль кругом не было видно ничего, кроме дикой, непроходимой чащи.

Стараясь говорить как можно вежливее, Кнут спросил, нельзя ли ему спуститься на землю, чтобы собрать немного морошки.

– Что! Морошки? – зашумела ель. – Если ты голоден, ешь мох. Я прикажу тебе дать семь возов моха. Вот это будет настоящее королевское угощение!

– Благодарю вас, – сказал Кнут, – но я с большим удовольствием съел бы воз яблочного киселя и семь бочек мёда.

– Кисель, говоришь? Да я из тебя самого сделаю кисель!.. Эй, мой верный орёл!

Бери этого мальчишку! Можешь приготовить из него обед для своих птенцов!

Кнут поднял голову. Тут только он увидел на верхушке ели огромного орла, который смотрел на него кровожадными глазами. Хотя сам Кнут и не прочь был пообедать, но ему не очень-то улыбалось достаться на обед орлу. Он хотел прыгнуть вниз, но не тут-то было – колючие ветки крепко держали его за руки и за ноги.

Кнут совсем приуныл. И вдруг он почувствовал какое-то лёгкое прикосновение – словно кузнечик пробежал по его рукаву, прыгнул на воротник, вскочил к нему на подбородок. Кнут скосил глаза. Это был маленький эльф. Когда все эльфы на поляне плясали и прыгали вокруг Кнута, он попал Кнуту в карман, да так и застрял там.

С трудом, точно из глубокой пропасти, выбрался он теперь из кармана и тащил за собой волшебную дудочку, которая была раз в шесть больше его самого.

– Играй! – сказал эльф, приставляя дудочку к губам Кнута.

Кнут сжал дудочку губами и дунул в неё.

– Баю-бай! Баю-бай! – протяжно запела дудочка.

И сразу ель стала зевать, потягиваться всеми своими ветками и наконец, что-то бормоча о невежах, которые помешали ей поспать после обеда, снова растянулась на болоте...

Когда Кнут выкарабкался из-под веток, весь лес храпел так, как будто рычала добрая сотня медведей. Даже у кровожадного орла слипались глаза, и, тяжело взмахивая крыльями, он полетел прочь, засыпая на лету.

Кнут быстро перебрался через деревья, поваленные сном, и вышел на просёлочную дорогу.

Отсюда до усадьбы господина Петермана было уже совсем недалеко.

Кнут прибавил шаг. Но как он ни спешил, а всё-таки к обеду опоздал.

Когда Кнут вошёл в дом, все уже сидели в столовой за столом и ели жареную утку.

Утка, как видно, была очень вкусная, и гости, не уставая, хвалили охотника, который её подстрелил, и повара, который её зажарил.

– Добро пожаловать, Музыкант! – сказал господин Петерман, увидев Кнута. – Что же ты опоздал к обеду?

– Как же мне было не опоздать, когда я уже четыре раза был на званых обедах и отведал калёного железа, замороженной ртути, комариной ножки с приправой из утренней росы и на сладкое семь возов моха! – весело сказал Кнут.

– Ого, не слишком ли это много? Боюсь, не объелся ли ты! – воскликнул господин Петерман. – Хорошо, по крайней мере, что мы тебя не ждали. После таких лакомств ты, конечно, откажешься от обыкновенной жареной утки! – И он весело подмигнул гостям, очень довольный своей шуткой. – А чтобы тебе не было скучно смотреть, как мы едим, – добавил господин Петерман для утешения, – поиграй нам на своей дудочке, Кнут! Ты ведь отличный музыкант!

"Пожалуй, это будет потруднее, чем есть калёное железо и замороженную ртуть", – подумал Кнут. Но вслух сказал:

– Извольте! Если вам так хочется, я поиграю. Он вытащил дудочку и легонько дунул в неё.

– Ой-ой-ой! – грустно затянула дудочка.

И сразу же господин Петерман тяжело вздохнул.

Глядя на него, стали вздыхать и гости, на глазах у всех выступили слезы, никто больше не хотел вкусной жареной утки.

– Ой-ой-ой! – протяжно пела дудочка.

– Знаешь что, Кнут, – громко всхлипывая, сказал господин Петерман, – лучше уж садись с нами обедать! Что-то твоя музыка не очень

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

весёлая... – И, уткнувшись лицом в салфетку, он залился слезами.

– Ну что ж, если вы просите, я, так и быть, составлю вам компанию, – сказал Кнут.

Он спрятал дудочку в карман и сел к столу.

Понемногу гости успокоились. Они вытерли слезы и, с опаской поглядывая на Кнута, снова придвинули к себе тарелки.

А Кнут как ни в чём не бывало принялся за суп, за пирог и за жареную утку.

Он был очень доволен, что проучил господина Петермана. Да и утка была отличная.

Но что там ни говори, а дома, с бабушкой, обедать гораздо веселее! Поэтому Кнут поспешил домой. Но своё слово он сдержал и принёс бабушке обещанный кусочек сыру.

Возвращался он берегом, и ему пришлось пройти лишние две мили.

И всё-таки дорога эта оказалась вдвое короче, чем дорога через Киикальский лес.